

Молодежь Эстонии

г. Таллин

16 июля 1988

ЖУРНАЛ-ГАЗЕТА

КАРУСЕЛЬ

ДЛЯ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ

Наедине со всеми

ЦИРК НА СЦЕНЕ — КАК РУСАЛКА НА ПЕСКЕ

Наш собеседник — народный артист СССР ЮРИЙ НИКУЛИН

— Юрий Владимирович, вас, наверное, сейчас терроризируют вопросом, когда построят цирк?

— Недавно на одной из встреч я получил записку с вопросом несколько иного содержания: «Считаете ли вы патриотичным, что наш советский цирк строят финны?»

— Вот оно как! И что же — считаете ли вы патриотичным, что наш советский цирк строят финны?

— Наверное, это непатриотично, что строят финны. Но я считаю, что было бы менее патриотично, если бы строили наши, и на открытие пришли бы внуки ваших внуков. Потому что наши на строительство прикидывали лет одиннадцать, плюс полтора года на проект. Я подумал: вернее, лет пятнадцать, могу не дожидаться. И написал письмо на имя Рыжкова, причем не какое-то официальное, а чисто человеческое письмо. Я написал: помогите, если можете, потому что обиваю пороги всех учреждений, от Минфина до Госплана, выступал там с концертами, чтобы задобрить, а цирк стоит. Печальная картина, писал я, люди приходят со слезами на глазах, дети спрашивают, где же цирк? А руины огорожены забором, и похоже все это на вырванный зуб около Центрального рынка, и жизнь там остановилась. И прошу, писал я, у вас свидания на четыре минуты, в крайнем случае — на четыре с половиной. Николай Иванович меня принял, долго расспрашивал про цирк — и нам были выделены два миллиона инвалютных рублей, и тут же стало известно, что строить будут финны. Я вскочил потрясенный: «Вы знаете, это ужасно, что указ у нас такой суровый, а ведь это же историческое событие, и надо было бы по-русски его тут же отметить!» А он говорит: «Мы и отметим!» Нажимает кнопку: «Пожалуйста, чай с лимоном нам и печенье». Если печенье и сидели еще минут сорок (он был первый день в отпуске), говорили о том, сколько радости будет людям.

— Вы довольны тем, как они строят?

— Это похоже на аттракцион! Люди специально приходят смотреть, как они работают. Чистота, порядок, никакой суеты, никаких перекуров — спокойные строители в ярких комбинезонах, работают не спеша, без криков, без воплей. На проект ушло полтора месяца. Сначала отметили праздник закладки первого камня, а недавно — праздник конька. Начали в прошлом году 2 апреля, а в марте уже хотят сдавать цирк под ключ.

— Скажите, пожалуйста, как вы рисковали стать директором?

— Уговорили. Конечно, сначала отказывался: я артист, какой из меня директор? Потом согласился — и вот, хожу по инстанциям, по телефону все время с кем-то связываюсь, письма пишу, людей принимаю, лекарства достаю, в больницу устраиваю, похороны, извините, кладбище не дают, еду в

Моссовет, прошу... Чувствую, что могу помочь, — помогаю. Девяносто процентов пока проходит, тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— Юрий Владимирович, со времен вашей цирковой молодости, с тех самых времен, о которых мы читали в книгах, где цирк представлял непостижимым и загадочным, с его романтикой кочевья, каким-то особым братством, — с тех самых пор изменилась его атмосфера? Не повлиял ли на нее технический прогресс, ведь такой великолепной оснащенности прежде не было?

— Знаете, мне кажется, цирк начинает терять прелесть того, из чего проистекает, прелесть своих корней. Уходит романтика кочевья — с детьми, зверями. Уходит то, что было свойственно только цирку, где даже запах навоза особенный. Такого чистого братства, как в цирке, поверьте, нет больше нигде. В театре, в кино люди живут хуже, там все-таки каждый старается для себя. Возможно, наше братство пошло с тех времен, когда вся труппа была заинтересована в сборах: чем больше денег она принесет, тем вероятнее будет подписан контракт. Потому и старались помогать друг другу, советовать, чтобы номер товарища был как можно лучше. Сейчас мы стали более развращенными — циркачи ночуют уже не где придется, а в хороших цирковых гостиницах, куда пускают с обезьянами, собаками, птицами, мелкими зверями. Что и говорить, за граница развратилась тоже. Да, есть дружба, все вроде то же, а — по-другому. Мне кажется, романтики стало меньше... И потом все эти новшества... Посмотрите, чего стоит в Новом цирке одна только смена манежей — как в крематории. В то время, когда один манеж уходит, а другой появляется, возникает пауза на несколько минут. Не сидеть же зрителям просто так — надо паузу чем-то заполнить. Решили заполнить воздушными гимнастами. Гимнасты летают, но никто на них не смотрит — все внимательно наблюдают, как один манеж уползает, другой вползает. Гул, жужжание — в общем, интереснее моторы. И сам манеж продуман очень рационально: чтоб не было пыли, грязи, покрыли его резиной. Но лошадики говорят, что лошади от этого быстрее изнашиваются, им это вредно. И потом опилки есть опилки. Цирку нужен запах опилок. Чтобы лесом пахло, чтобы пахло цирком.

— А какой зверь самый опасный в цирке?

— Медведь. Медведь самый опасный. Опаснее тигра, льва, пантеры, леопарда. Про них дрессировщик примерно за три минуты может понять, что зверь собирается броситься, они показывают это всем своим видом. Медведь — непроницаем. Очень коварный зверь.

— Юрий Владимирович, я догадываюсь, что больше всех вы любите клоунов. Ну, а вслед за ними — кого?

— Я действительно клоунов очень люблю. Стараюсь

чисто человечески им помогать, особенно молодым. Моя профессия наложила, конечно, свой отпечаток на директорские пристрастия — льготную пенсию коверным выхлопотал. Я ведь знаю, как клоуны по крупнякам собирают то, что покажут потом публике, все самое смешное, это так трудно... — Скажите, это правда, что клоуны в цирке — самые умные?

— Клоуны, как и все остальные, разные. Есть очень умные, есть — глупые. Вот Карандаш — он был очень талантливым клоуном, но человеком — мерзким. Злой, полуграмотный человек, а вот от бога было дано. Но, в общем-то, конечно,

клоуну думать надо, клоуну это очень необходимо. Недаром ведь говорят, что надо быть очень умным человеком, чтобы сыграть дурака. С другой стороны, сколько есть артистов, в том числе и драматических, которые блестяще играют интеллектуалов, а в жизни — дни днями.

— А дрессировщиков вы любите?

— Я люблю животных. Очень люблю. Посмотрите любой номер с животными — и вы сразу поймете, какой дрессировщик. Ну, к примеру, номер с собачками. Выходя дрессировщик — собачка сразу приседает, она боится, что ее ударят. Она работает прекрасно, все выполняет, но, взгляните, как она пе-

чальна! А есть номера, где артист обожает собак, они его друзья, они веселые, радостные, работают с упоением — это же фейерверк!

— Что вас сейчас радует в цирке, разумеется, кроме того, что он получит новый дом?

— Радует то, что у нас есть смена. Хорошая смена. Вот молодые клоуны — братья Шелковниковы, трио. Скажете, выходят три дурака? Нет, они очень смешные, и каждый имеет свой характер, причем ярко выраженный. Это ведь не просто приклеить нос и надеть парик!

Когда выступали братья Лавровы со своими вроде бы глупейшими трюками, сколько в них было от бога! Или

клоун Сергеев — какой был талантлив! Конечно, Енгибаров — клоун совершенно новой формации, новый клоун! Он первый почувствовал и принес на арену перемены. Он не играл на смехе, а играл на совершенно иных чувствах. Как он подавал свои акробатические трюки! Помните, он делал баланс на катушке? Сначала падал, потом тут же сам себя награждал медалью — раз, на груди! К концу трюка он уже весь был в медалях, и даже на спине висела здоровая медаль. В те времена, я вам скажу, это был весьма небезобидный трюк!

— Помню, был фильм с Енгибаровым — «Путь на арену». Наверное, неплохой фильм, но все же впечатление было неполным.

— Не-е-т! Клоунов нужно смотреть в цирке! Вместе со всей программой, с другими номерами! На арене! Потому что цирк есть цирк! На сцене, в спортзале, на стадионе — все это хорошо, но сколько теряется. Вот была очень смешная клоунада, называлась она «Полет на луну». Главный трюк состоял в том, что с двумя полными ведрами клоуны должны были перелезть через лестницу-стремянку. Они обливали друг друга водой — публика лежала от смеха. Классическая сценка. Безыдейная клоунада, как ее называли. Хотя я считаю, таких не бывает — каждая клоунада несет в себе какую-то идею, а без идеи ничего не бывает. Так вот, однажды пригласили клоунов в Центральный Дом работников искусств, чтобы они выступили с этой клоунадой на сцене. Пришел бомонд — народные артисты, заслуженные, мужчины в костюмах, дамы разодетые. И вдруг на сцене стали обливаться водой! Это было, я вам скажу, пренебрежительнее зрелище. Только что пели арии, исполняли классику, люди настроились на торжество — и вдруг это обливание! Люди уходили очень расстроенными. Клоун на сцене — это русалка, которую вытащили из воды и бросили на берег. Наверное, на сцене клоунада тоже может быть, но совсем другая, а не та, что механически перенесена с арены.

— Вам лично бывает смешно, когда вы смотрите свои клоунады?

— Нет. Бывает, смотрю собственные вещи, заснятые на пленку, очень любимые

сценки — как это неинтересно! Смотрю внимательно, слушаю, как смеется публика, и каждый раз мне кажется, что это нужно было сделать по-другому.

— И на фильмах Гайдая, в которых вы снимались, тоже не смеетесь?

— Смеюсь, но по другому поводу. Смеюсь потому, что вспоминаю забавные ситуации, которые возникали на съемках этого эпизода. Ведь эти фильмы — как анекдот, который мне уже рассказали, и я знаю конец. Хотя это самые любимые мои фильмы. Мне очень интересно было сниматься и в «Андре Рублеве», и в картинах «Когда деревья были большими», «Маленький беглец», «Двадцать дней без войны» и в «Чучеле», а все-таки самое дорогое в кино — это комедийные ленты Гайдая. Потому что там я жил цирком!

Но однажды я действительно хохотал до безумия, когда смотрел себя на экране. Японцы снимали фильм о цирке, я их консультировал. На прощание они предложили мне сделать интервью для японского телевидения. Задумали они так: снять меня с собакой. Я ее выгуливаю на Патриарших прудах, корреспондент идет рядом, задает вопросы, а оператор снимает. Черная собака, белый снег — все очень красиво. Таня, моя жена, бросилась к парикмахеру — собаку стричь! Собаку мыли, собаку стригли, собаке надели самый красивый ошейник! «Ну, тыvedi себя хорошо!» — и мы с ним пошли. Сбоку шел оператор, ассистенты помогали ему поддерживать видеокамеру. Я держал собаку на поводке, с корреспондентом беседовал о цирке — все чин чинарем. А когда мы увидели это на экране, то чуть не упали! Оператор шел вслед за снегоуборочной машиной и снимал поверх су- гроба. Собаки не было видно, но я чрезвычайно странно себя вел. Я шел, как парали- тик, — дергался, извивался, наклонялся. Ладно бы показали, как мы с собакой вышли из дома — дальше можно было бы понять, почему я так дергаюсь. Нет! Никакой собаки! А все уже смонтировано. Вот тут я действительно смеялся, глядя на свое изображение! Я плакал от хохота.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Прекрасно отношусь. Сажу как-то раз на скамейке, дышим с собакой свежим воздухом. Идет женщина, ведет солидного мальчика. Вдруг останавливается напротив меня, как вкопанная, и восклицает, обращаясь к сыну: «Узнаешь?» Он кивает в носу и молчит. Она: «Узнаешь? Ну?» Молчит. «Юрий... Ну... Юрий...» Молчит. Она: «Ну, вспомни-най... Юрий...» Мальчик вы- даивает: «Гарин». Она, возмущенно и расстроено: «Ну, какой же ты! Юрий По- пов!» Я — молчу. Радуюсь.

Беседу ве- ла Элла АГРАНОВСКАЯ. Фото Георгия ЦВЕТКОВА.